

М. И. Клеандров²

**ПРАВОСУДИЕ И СПРАВЕДЛИВОСТЬ
КАК ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ ЦЕННОСТЬ КУЛЬТУРЫ**

В названии статьи нет ошибки — здесь правосудие и справедливость выступают как двуединое составное понятие. Подразумевается, что правосудие только тогда является правосудием («правым судом»), когда оно по сути своей справедливо, а когда оно несправедливо — это не правосудие, у него масса иных негативных наименований. И это не семантика, это вообще не филологический изыск, здесь мы имеем дело с фундаментальной сущностью права.

Вместе с тем неоспоримо утверждение: правовая культура есть составная часть общей культуры человечества. На разных этапах развития человеческой цивилизации общая культура также развивалась наверняка в своей базовой основе, сохраняя приверженность некоторым фундаментальным опорам, соответственно не оставалась неизменной и правовая культура. Но исторический изыск здесь также не проводится — речь пойдет о ситуации сегодняшнего дня, ее проблемах и путях их решений с ориентацией на день завтрашний.

В свою очередь, понятие правовой культуры также многокомпонентно и состоит как минимум из культуры

законотворчества, правоотношений, работы государственных, в том числе правоохранительных, органов, правоприменения, правосознания (включая подготовку юридических кадров), правового поведения и т. д. Дифференциация в рамках этого понятия может быть осуществлена по множеству критериев, но, без сомнения, основным из них будет носитель правовой культуры, то есть правоприменитель. Конечно, весьма важной является культура правотворчества, но ведь даже идеальная норма права обычно содержит несколько пластов смыслов, залегающих для различных правоприменителей на разных глубинах, и это — не о хронологии правовой информации (даже не правового института, правовой отрасли).

Соответственно, в плане разделения властей можно говорить о правовой культуре лиц, непосредственно осуществляющих законодательную, исполнительную и судебную власть; относительно специалистов в рамках юридической профессии можно говорить о юридической культуре участковых уполномоченных, работников уголовного розыска, дознавателей, следователей и так далее; можно говорить и о правовой культуре государственных (федеральных и субъектов РФ) и муниципальных служащих и т. д.

Но ведь правоприменитель — это не только работники правоохранительных и судебных органов, в непосредственные функции которых входят охрана и защита прав и законных интересов граждан и иных лиц. Это и органы власти и управления, и хозяйствующие субъекты, и работники образования, культуры, искусства, СМИ, то есть, по сути, все, кто применяет (исполняет) право, кто находится в правовом поле, то есть в сфере воздействия правового регулирования. И исключений здесь нет.

² Член-корреспондент РАН, судья Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, заслуженный деятель науки РФ. Автор более 450 научных работ, в т. ч. монографий: «Институт юридической службы в предпринимательстве», «Ответственность судьи», «Статус судьи: правовой и смежные компоненты», «Экономическое правосудие в России: прошлое, настоящее, будущее», «Судебные системы государств — участников СНГ». Член редколлегии журналов «Судья», «Предпринимательское право», «Энергетическое право» и др. Лауреат Международной премии им. Гуго Гроция. Награжден орденом Дружбы.

Но ядром правоприменительной практики является судебная практика. Именно она корректирует поведение правоприменителей, и именно судьи владеют инсайдерской информацией относительно «кухни» принятия судебных решений, создающих в совокупности судебную практику. И если правовая культура — культура правоприменения — должна базироваться на принципах справедливости, то для культуры судебной практики, культуры правосудия это просто естественная база, ее органический фундамент.

Каждый судья должен быть культурным, в идеале — глубоко культурным человеком. Если определенный некультурный поступок совершает иной правоприменитель — обычно это проступок в сфере этики, морали, нравственности. Но если некультурный проступок совершит судья (например: в процессе, обращаясь к одной стороне, судья говорит: «Уважаемый, Вы, наверное, хотите сказать...», обращаясь ко второй стороне: «Говорите громче, что Вы там бормочете, не похмелились с утра, что ли?»), это уже и нарушение конституционного принципа равенства всех перед судом, и очевидное нарушение базового для судебного процесса принципа непредвзятости, что может (даже должно) повлечь отмену судебного акта, вынесенного этим судьей. Потому что, безусловно, такой судебный акт не будет справедливым.

Вместе с тем очевидно: внешние проявления культуры у того или иного судьи — еще не основание полагать, что выносимые им судебные акты безоговорочно справедливы. Также не факт, что все наши судьи высококультурны в обыденном смысле слова (сам организационно-правовой механизм отбора кандидатов в судьи и наделения их судебскими полномочиями весьма несовершенен, а фактор уровня общей культуры здесь просто не определяется), но это не означает, что невысококультурные — внешне — судьи не выносят справедливые судебные акты, корреляция здесь намного глубже и сложнее. Главное — российские судьи чувствуют фундаментальную ценность культуры правосудия и осознают необходимость повышения ее уровня как безусловного основания справедливого правосудия.

Именно поэтому в Постановлении VIII Всероссийского съезда судей «О состоянии судебной системы Российской Федерации и основных направлениях ее развития» от 19 декабря 2012 года прямо сказано (преамбула, последний абзац): «Все более настоятельной потребностью становится необходимость разработки государственного проекта стратегических преобразований организационно-правового механизма отечественного правосудия, конечной целью которых стало бы построение справедливого суда, отвечающего чаяниям российского общества. К отысканию путей решения этой задачи целесообразно привлечение потенциала высших судов страны, соответствующих государственных органов, научных учреждений, органов судейского сообщества и общественных формирований».

И по закону, и фактически Всероссийский съезд судей, созываемый один раз в четыре года, является высшим органом судейского сообщества России, выра-

жает волю всего корпуса действующих судей страны. Это означает, что названное положение постановления съезда, принятое (единогласно) 730 делегатами съезда, — это мнение 3298 действующих судей (24 145 судей системы общей юрисдикции, 3790 судей арбитражных судов и т. д.). Более того, можно уверенно заявить: перед российским обществом высказано консолидированное мнение всех судей страны — непосредственных носителей судебной власти, ежедневно и профессионально реализующих на практике категорию справедливого правосудия, во всяком случае стремящихся к этому.

И с неизбежностью, говоря о необходимости построения в России справедливого суда, можно (а может быть) и нужно задать естественный, сам собой напрашивающийся вопрос: а у нас сегодня суд разве не справедливый? И тут дело даже не в подтексте: если суд у нас справедливый, зачем затевать его модернизацию, когда и так все хорошо. Дело — в определении точки отсчета.

Практически любой судья, вынося судебное решение, уверен: это решение справедливое. Естественно, за редкими исключениями — как в отношении отдельных судей, так и в отношении отдельных судебных решений. Но разговор идет в целом, за минусом этих редких исключений. И тогда получается: в целом судебные решения у нас справедливые, соответственно — судьи наши справедливы (поэтому можно даже уверовать в то, что наши судебные решения эталонны и могут служить образцом и для наших будущих судей, и в качестве примера в учебном процессе для студентов-юристов всего мира), значит, правосудие у нас справедливое, следовательно, механизм нашей судебной власти безупречен. Ведь главное в деятельности судебной власти любого государства — обеспечить справедливое правосудие, и если все судебные решения в этом государстве справедливые, значит, механизм судебной власти в этом государстве, обеспечивающий прекрасные результаты, безупречен, и уж точно в модернизации не нуждается.

Но это если вердикт — справедливо ли или нет судебное решение — выносит судья, принимающий решение. Равно как если этот вердикт — уже относительно всех судебных решений — выносит судейский корпус, сама судебная власть. Однако если учесть, что в любом государстве суд для общества, а не наоборот, то необходима иная точка отсчета. Вердикт — принципиальный — должно выносить общество.

Можно, разумеется, предположить, что общество (в лице его самых активных и принципиальных представителей) не в состоянии объективно оценить справедливость того или иного судебного решения, так как не знает всех обстоятельств и материалов дела, которые знает (и оценил по справедливости) судья, вынесший это решение. И вынося неверный вердикт о несправедливости этого решения, общество (его представители) находится под влиянием ангажированных СМИ (либо — шире — тех кругов, которые старательно доказывают ущербность и незрелость устоев Российского государства, прежде всего его федеральных органов государственной власти, в том числе органов

судебной власти), стремящихся (или под влиянием момента) дискредитировать конкретного судью, конкретный судебный орган, отдельную судебную систему либо целиком судебную власть. Соответственно, данное суждение распространяется и на определенную группу судебных актов, и на них в совокупности, в том числе взятых за длительный временной период.

Но ведь это не так. Общество наше не столь наивно, чтобы безоговорочно в своем вердикте опираться только на эти СМИ. К тому же, если бы это было так, достаточно было бы организовать и провести крупномасштабную контрпропагандистскую акцию с целью «открыть глаза» обществу.

Вместе с тем считать, что в законодательной и исполнительной ветвях государственной власти есть некоторая доля несправедливости в форме недостатков, ошибочных решений и нерешенных проблем и эти ветви власти (их органы) надо совершенствовать и улучшать, а в судебной ветви государственной власти все справедливо и нет в ней ни недостатков, ни ошибочных решений, ни нерешенных проблем, объективных оснований нет. К тому же надо учесть, что всякое дело совершается (или делается плохо, или не делается совсем) людьми, они и создают очаги несправедливости, а людей в законодательной и исполнительной ветвях государственной власти, в потенциале способных принять несправедливое решение, в совокупности в десятки, если не в сотни раз меньше, чем в судебной ветви государственной власти.

Немного лучше сегодня положение с оценкой обществом российской судебной власти в ситуации, когда — гипотетически — каждый из участников каждого из судебных процессов на практике убеждается: в его конкретном деле судья провел процесс справедливо и вынес справедливое решение. Таким образом, гипотетически несколько десятков миллионов россиян в год воочию убеждаются: судебная власть в стране справедлива — на примере своего судебного дела. Но одновременно эти же десятки миллионов россиян находятся под массивным воздействием ангажированных СМИ, неуклонно и постоянно внушающих всем россиянам — наши суды, судьи и их решения несправедливы по определению.

В результате наши десятки миллионов граждан — участников справедливых (в их восприятии) конкретных судебных процессов — оказываются в положении Л. И. Брежнева — из анекдота, который дружно, дополняя друг друга, вспомнили 18 декабря 2012 года на VIII Всероссийском съезде судей Председатель Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькин и Президент РФ В. В. Путин. В этом анекдоте Л. И. Брежнев, обращаясь к зарубежной даме, говорит: «Уважаемая госпожа Маргарет Тэтчер!» Тут ему помощник подсказывает: «Это Индира Ганди!» И Л. И. Брежнев ему в ответ: «Сам вижу, что это Индира Ганди! Но ведь здесь написано: Маргарет Тэтчер!»

И каждый из названных десятков миллионов россиян, много лет упорно обрабатываемый СМИ по поводу отрицания справедливого правосудия в России и не встречающий контрдоводов в этом вопросе, для себя решает эту дилемму так: да, я встретил справедливого

судью, мне просто повезло, но это исключение, а все остальные судьи в России, раз так «написано» (то есть утверждается СМИ и никем не опровергается), несправедливы.

А остальные россияне, которые не были участниками справедливых, с их точки зрения, судебных процессов, даже и с этими исключениями не сталкивались, поэтому в еще большей мере оказываются под воздействием огульной дискредитации судебной власти в России.

Таким образом, даже если каждый из 32 тыс. российских судей будет всегда выносить исключительно справедливые судебные решения (что, конечно, идеал, который даже с философской точки зрения недостижим), российское общество узнать об этом в сегодняшней системе координат не сможет, и общественное мнение по-прежнему будет считать судейский корпус в значительной мере несправедливым, поскольку будет ориентироваться, как в приведенном анекдоте, на то, что «написано». А десятки миллионов россиян, ежегодно воочию убеждающиеся в справедливости суда, где они были участниками судебного процесса, будут считать, что они «видели» — каждый из них — свое исключение, общее правило не меняющее.

Автору данной работы не довелось встретить результаты ни одного объективного, заведомо не ангажированного социологического исследования, посвященного оценке обществом судейского корпуса, осуществляющего в России правосудие, организованного и проведенного самим судейским сообществом либо по его заказу. Не смог помочь в этом и специальный, целенаправленный и широкоохватный поиск. Публикуемые же результаты социологических опросов, проведенных «извне» судейского сообщества, побуждают отнестись к ним скептически — или это заведомо ангажированный подход, изначально нацеленный на необъективное освещение ситуации, или это опрос непрофессиональный, не позволяющий считать его результаты репрезентативными и т. д.

Каков может быть ответ на вопрос (утрированный, конечно) типа: «Согласны ли Вы с тем, что Земля круглая, вода мокрая, а суды наши могли бы быть и посправедливее?» Любой из ста, тысячи, миллионов разумных людей (включая, кстати, наверняка всех судей) категорически ответил бы, естественно, «да». Но ангажированные исследователи сделали бы такое обобщение: раз опрашиваемые согласились с тем, что суды могут быть и посправедливее, значит, они считают их сейчас «совсем не справедливыми» или в лучшем случае — «недостаточно справедливыми». А в качестве результата проведенного ими соцопроса провозгласили бы вывод: «Сто процентов опрошенных считают российских судей несправедливыми».

Вместе с тем у вопроса: «А разве наш суд несправедлив?» со стороны отдельных (и немало числа) судей есть и изнанка — они считают, что суд (в любой стране) объективно не может быть ко всем одновременно справедлив. И в качестве довода указывает: в судебном процессе почти всегда так или иначе есть две стороны, и выигравшая сторона посчитает суд справедливым, проигравшая же сторона всегда будет

недовольна. К этому можно добавить, что решением по гражданско-правовому спору, удовлетворившим иск наполовину, обычно недовольны обе стороны; а по делам, где всего одна сторона, например при установлении факта, имеющего юридическое значение, при отказе суда в удовлетворении заявленного требования довольных нет вообще.

Но дело в том, что недовольство судом, судьей, судебным решением по конкретному делу и ощущение у участника этого конкретного процесса несправедливости суда, судьи, судебного решения по этому делу — далеко не совпадающие величины. Ведь если процесс по делу судьей проведен безукоризненно, все участники процесса ни в малейшей мере не ощущали со стороны судьи на всем протяжении процесса предвзятости, наоборот, они видели, слышали, что называется — «кожей» ощущали стремление судьи выявить все обстоятельства по делу и чувствовали, что судья делает это профессионально, а, получив решение суда по делу, не найдут в нем изъянов ни с фактической, ни с процессуально-процедурной и иных сторон, проигравшая сторона будет, естественно, недовольна исходом дела, но чувства несправедливости по отношению к суду, судье, судебному решению испытывать не будет. Если, разумеется, потерпевшая сторона — человек (люди) вменяемый и адекватный. Кстати, и обжаловать такое решение весьма трудно — по сути дела не за что «зацепиться». Это идеальное, в том числе с позиции справедливости, судебное решение, и, безусловно, вынесено оно высококультурным судьей.

И наоборот, воспринимая всеми органами чувств, что судья предвзят, аргументы и доводы сторон воспринимает избирательно, ведет процесс с очевидными нарушениями закрепленных в законе процедур, профессионализмом не отличается, а судебное решение нелогично, противоречиво, слабо мотивировано и далеко от норм элементарной грамотности, даже выигравшая процесс сторона не воспримет этот суд, этого судью, это судебное решение как справедливые. Если, опять же, представители сторон в процессе вменяемы и адекватны. Такого судью, безусловно, и культурным назвать нельзя.

Но что это такое: категория «справедливости» как явление? Врожденное чувство? Результат умственной деятельности? Инстинкт, свойственный не только людям, но и животным? Или наоборот — ощущение справедливости свойственно только избранным, наиболее развитым людям? Можно ли «научить» справедливости, например, студентов-юристов? А воспитать? Обнаружить зачатки и воспитанием их усилить? Либо ее наличие или отсутствие (как и «фифти-фифти») предопределено генетикой? Оно у всех людей одинаково либо различается географически, гендерно, в зависимости от возраста, классовых предпочтений, этнических, конфессиональных, этических, социальных, политических и иных факторов, и т. д. и т. п.? Поделить один пирог между двумя голодными людьми поровну — это справедливо? А если первый весит 40 кг, а второй — 140 кг, и второму, чтобы элементарно не умереть с голоду, требуется в несколько раз больше пищи, чем первому, значит «пирог пополам» — будет несправедливо?

Справедливой ли является равная оплата за различный по результатам труд (так называемая уравниловка), либо справедливой будет оплата труда в зависимости от количественных и качественных показателей? Или при оплате труда должно также учитываться количество иждивенцев в семье работника, средний уровень дохода на душу в семье и т. п.? Но, может быть, категория справедливости столь же — объективно — неопределима и даже непознаваема, как, например, любовь, добро, счастье, радость?

Даже поверхностный поиск ответов на эти вопросы вызывает удивление двоякого рода. С одной стороны — относительная слабость понятийного аппарата. Так, в словаре русского языка С. И. Ожегова понятие «справедливый» характеризуется как: 1. Действующий беспристрастно, в соответствии с истиной. С. судья. С. поступок. С-ое решение. Справедливо (нареч.) оценить. 2. Направленный на осуществление правильных, насущных задач. С-ая народная война. 3. Истинный, правильный. Полученные сведения оказались справедливыми (сущ. справедливость, -и, ж.)¹.

В Большом толковом словаре русского языка, составленном Институтом лингвистических исследований РАН, сказано: справедливый, -ая, -ое; -лив, -а, -о — это: 1. Действующий беспристрастно, в соответствии с истиной. С. судья. С. начальник, командир. Справедлив ли ты к сыну? Очень с. Быть, оказаться справедливым. С. судья. Основанный на беспристрастном соблюдении истины, правильном отношении к кому-, чему-л. С. суд. С-ое решение. С. приговор. С-ая оценка. 2. Основанный на требованиях справедливости (3 зн.); соответствующий моральным и правовым нормам. С-ое дело. С-ое устройство государства. С-ые законы. С-ое требование. 3. Соответствующий истине, действительности; правильный, верный. С-ые слухи. С-ые подозрения. Полученные сведения оказались справедливыми².

В авторском (Н. М. Добрынина, доктора юридических наук, профессора, специалиста в области конституционного права) Универсальном энциклопедическом словаре содержится такое определение: справедливость — справедливое отношение к кому-либо, беспристрастие; справедливый: 1) действующий беспристрастно; соответствующий истине; 2) осуществляемый на законных и честных основаниях; 3) истинный, правильный³. А в Большой юридической энциклопедии⁴ понятие «справедливость» вообще не упоминается.

Естественно, понятие «справедливость» — в привязке к судебным актам — рассматривалось учеными многократно, в том числе в диссертационных исследованиях⁵, иных научных жанрах. Так, И. Михайловская, соотнося принципы независимости, беспристрастности

¹ Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / под ред. Л. И. Скворцова. 26-е изд., перераб. и доп. М., 2008. С. 607.

² Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 2008. С. 1252.

³ Добрынин Н. М. Универсальный энциклопедический словарь для всех и каждого. Современная версия новейшей истории государства. Новосибирск, 2012. С. 485.

⁴ Большая юридическая энциклопедия. М., 2005.

⁵ См., например: Алексеева Л. Б. Право на справедливое судебное разбирательство: реализация в УПК РФ общепризнанных принципов и норм международного права : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003.

и справедливости правосудия, схему этого соответствия представляет следующим образом: чем действеннее гарантии независимости, тем выше вероятность его беспристрастности; в свою очередь, чем выше уровень гарантии беспристрастного судебного разбирательства, тем больше шансов принятия справедливого судебного решения. Другими словами, указывает она: законодательные и иные предпосылки, непосредственно влияющие на независимость суда, опосредованно воздействуют и на характер судебных решений, их беспристрастность и справедливость; все факторы, которые непосредственно влияют на беспристрастность суда, опосредованно повышают или снижают вероятность вынесения справедливых решений¹.

Все вышесказанное верно, но уяснению понимания, что такое справедливость, помогает мало. Вместе с тем понятие «справедливость» широко используется в отечественном законодательстве (например, ст. 6 УК РФ именуется «Принцип справедливости»), в актах международного права (ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод называет право на справедливое судебное разбирательство) и т. д. А ведь это понятие для судей — при вынесении судебных актов — не абстрактное теоретизирование. Однако официальное «раскрытие» содержания понятия «справедливость» в этих и иных актах оставляет желать лучшего. Например, ст. 297 Уголовно-процессуального кодекса РФ, именуемая «Законность, обоснованность и справедливость приговора», раскрывается в своей ч. 2 так: «Приговор признается законным, обоснованным и справедливым, если он постановлен в соответствии с требованиями настоящего Кодекса и основан на правильном применении уголовного закона». То есть получается: если приговор законен, то он справедлив. Но это верно лишь при условии, что сам закон (причем именно уголовный) справедлив. А это не так хотя бы потому, что иначе не было бы необходимости постоянно изменять законы: две трети принимаемых федеральных законов — это изменения законов.

Видимо, некоторая слабость, аморфность, неполнота цитируемых определений, обусловленная филологическим инструментарием сопоставления разных величин (справедливость = беспристрастность, истинность, правильность, верность и пр.), являются показателями объективной невозможности выразить языком то, что «ощущается сердцем». Недаром известный философ Н. А. Бердяев говорил об идеях, где «правда-истина будет соединена с правдой-справедливостью».

Вряд ли кто безошибочно и однозначно ответит на вопросы: «Справедливость чувствуется, осознается или ощущается?» (Это вопрос психологии, морали или даже, может быть, метафизики.) «Само восприятие справедливости/несправедливости базируется на невербальном постижении соответствующих ориентиров или здесь специфический ментальный модус и это постижение достигается на неопознанных и неотрефлексированных измерениях сущностей?»

С другой же стороны: практически любой человек (тем паче любой судья) обычно без долгих раздумий,

¹ Михайловская И. Соотношение категорий «независимость», «беспристрастность» и «справедливость» суда // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 2 (63). С. 101.

что называется, «влёт» отличит — при тех или иных общественных проявлениях — справедливость от несправедливости. Причем для нашего, российского, общества любое проявление несправедливости, которое каждый человек «чувствует сердцем», является сильнейшим раздражителем. Директор Института социологии РАН академик М. К. Горшков отмечает: «Наше общество идею “справедливости” возводит во главу угла (мы это видим в ходе наших опросов уже не первый десяток лет)»².

Нужно подчеркнуть: на Руси издревле справедливость была понятием базовым, сакральным; ради нее, «страдающая за правду», шли и на дыбу, и на эшафот. Невозможность «добиться справедливости» нередко приводила к «уходу в запой», но подчас и «брались за вилы».

Может быть, поэтому сегодняшний российский судья вряд ли примет решение, аналогичное судебному акту эстонского судьи о продаже трехкомнатной квартиры гражданки Эстонии Г. за 3200 евро с целью взыскания с нее штрафа за безбилетный проезд и нарушение правил дорожного движения (с набегавшими за несколько лет пени, что в совокупности составило 3200 евро), причем это решение эстонского судьи было приведено в исполнение³. Равным образом вряд ли современный российский судья вынесет приговор о лишении свободы, исчисляемый секундами: именно такой приговор — о лишении свободы сроком на 30 секунд премьер-министра Пакистана за неуважение к суду вынес Верховный суд этого государства⁴.

Справедливы ли наше общество и его государственные устои сегодня? Отнюдь нет, если быть объективным. Можно ли у нас сегодня «найти справедливость», если она попорана — в конкретном проявлении? В принципе и теоретически, и практически обычно можно, но по факту — не всегда, не во всем и не всеми. Но ощущать несправедливость и искать защиту от нее — не исключительный удел индивидуума. Подчас от несправедливости страдают и безуспешно ищут защиту целые коллективные образования. А осознание более-менее широкими слоями общества подчас принципиальной невозможности торжества справедливости, невозможности ее восстановления при поправлении неизбежно приводит к деструктивным проявлениям, направленным прежде всего против центральной власти, которая — в общественном сознании — и виновна в сложившемся положении дел, в том, что в возглавляемом ею государстве «нельзя найти правду».

Осознание сегодня наличия названной в цитируемом положении Постановления VIII Всероссийского съезда судей стратегической проблемы (как обязательный первый шаг на длительном и тернистом пути ее решения) опирается на уверенность в том, что ее решение по значимости для современного гражданского общества сопоставимо, в рамках российской истории, например, с отменой крепостного права Александром II. Именно тогда, во второй половине XIX века, Россия созрела для такого масштабного прорыва к справедливости. Можно сопоставить ее и с судебной реформой: как известно,

² Российская газета. 2013. 27 февр.

³ Российская газета. 2011. 15 сент.

⁴ Российская газета. 2012. 27 апр.

в первой половине XIX века попытки графа И. М. Сперанского провести судебную реформу в России не увенчались успехом именно из-за неготовности общества это принять. Но уже к 1864 году общество к радикальной судебной реформе было готово, и она была успешно осуществлена. Тем более оно готово к решению проблемы торжества справедливости сейчас. Сегодня, в принципе, по значимости и масштабам ее решение можно сопоставить — в рамках отечественной истории — с ядерным и космическим проектами. А ведь в науковедческой литературе отмечается, что за последние двадцать с лишним лет государство вообще не поставило перед наукой и экономикой ни одной масштабной задачи, сопоставимой, например, с созданием ядерного оружия или ядерной энергетики, атомного, подводного и ледокольного флота, освоением космического пространства¹. Вопрос о направлениях, принципах, алгоритмах и динамике реализации проекта — второй; главное и необходимо принципиальное — политическое решение о его разработке.

Механизм восстановления порушенной справедливости многопланов, разнообразен и многозвенен. Но сегодня в демократическом правовом государстве, коим является Россия, ядром этого механизма служит специально для этого созданная, являющаяся самостоятельной ветвью государственной власти судебная власть. Точнее — должна служить.

Известные писатели-фантасты братья Стругацкие в начальный период своей творческой деятельности, в 1960-е годы, в нескольких своих произведениях создали — очень образно и выпукло — мир Полудня (впервые в романе «Полдень, XXII век»), в литературоведении позже охарактеризованный как *мир, в котором хочется жить и работать*. В условиях сегодняшнего дня мир, в котором хочется жить и работать, это может быть прежде всего мир государства, в котором высокая общая культура, соответственно высокая правовая культура и, естественно, высококультурное справедливое правосудие.

¹ См.: Саркисов А. А. Российская академия наук: какой ей быть? // Вестник РАН. 2012. Дек. Т. 82. № 12. С. 1109.